

УДК 94(517.3)
DOI: 10.17223/19988613/64/5

Л.В. Курас, Н. Хишигт

ЯКОВ БЛЮМКИН В МОНГОЛИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований – Министерства образования, культуры и науки (Монголия) в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)» № 19-59-44004.

Анализируется степень участия российских евреев в подготовке и осуществлении Монгольской революции 1921 г. (Б.З. Шумяцкий), а также в создании органов государственной безопасности Монгольской Народной Республики – Государственной внутренней охраны (С.М. Шпигельглас). Особое внимание уделяется деятельности Якова Григорьевича Блюмкина, который по рекомендации руководителя ИНО ОГПУ М.А. Трилиссера в течение 8 месяцев был представителем ОГПУ и Главным инструктором Государственной внутренней охраны (ГВО) МНР, одновременно осуществляя оперативные мероприятия на севере Китая и в Тибете.

Ключевые слова: Монгольская революция 1921 г.; Монгольская Народная Республика; Яков Блюмкин; Государственная внутренняя охрана МНР.

В революционных событиях в России и Монголии не последнюю роль сыграли представители еврейского этноса. И если имена российских революционеров еврейского происхождения, оставивших достойный след в революционной истории, до сих пор на слуху, то место евреев в Монгольской революции пока что не являлось предметом специального исследования. Между тем в этой череде следует выделить прежде всего имя первого Председателя Центросибири Б.З. Шумяцкого [1]. Для нас же важно то, что именно он стал «архитектором» и идеологом Монгольской революции. В течение 1920–1921 гг. Борис Захарович возглавлял восточный отдел НКВД по Сибири и Монголии и непосредственно занимался Монголией, был творцом Монгольской революции, создателем первого революционного правительства. Об этом красноречиво свидетельствуют документы Коминтерна [2]. В знак признания заслуг перед МНР Б.З. Шумяцкий получил звание «Почетный гражданин Монгольской Народной Республики» и орден Красного Знамени Монголии № 1 [3. С. 83].

Особая заслуга Б.З. Шумяцкого состоит в проведении кадровой политики. Причем речь идет не об официальных представителях или инструкторах, а о массовом притоке в Монголию профессиональных кадров, способных трудиться на любых постах государственной службы, в экономических отраслях, образовании и культуре. При этом Б.З. Шумяцкий, учитывая специфику Монголии, в кадровой политике не придавал решающего значения партийной принадлежности, а главным критерием определял знание Монголии, деловые качества и лояльность. Эта оценка представляется нам особенно важной, во-первых, потому, что в российской и монгольской историографии истории Монголии недостаточно полно учитываются личностный фактор, место и роль отдельных исторических личностей из Советской России. А во-вторых, потому, что кадровая политика Б.З. Шумяцкого есть одна из форм

проявления панмонголизма, который сыграл не последнюю роль в революционном процессе монгольского мира в первой четверти XX в. [Там же. С. 83–84].

Но если во всех областях национально-государственного строительства незаменимыми оказались специалисты-буряты, большая группа которых прибыла в Монголию (будучи активными и хорошо подготовленными специалистами, они оказали огромную помощь монгольским революционерам в решении насущных задач), то строительством системы государственной безопасности и в России, и в Монголии занимались преимущественно евреи, что было обусловлено как объективными, так и субъективными факторами:

- во-первых, массовым участием евреев в революции и абсолютной преданностью ее идеалам;

- во-вторых, способностью выживания в «чужом» обществе и врожденной предрасположенностью к изучению иностранных языков;

- в-третьих, высоким уровнем образования по сравнению с другими этносами Российской империи;

- в-четвертых, основателем ИНО ВЧК-ОГПУ (службы внешней разведки) был участник Свееборгского восстания, отбывавший каторгу в Шлиссельбургской крепости, член Центросибири, защитник «Белого дома» в Иркутске Меер Абрамович Трилиссер, прекрасно знавший о перечисленных преимуществах.

На наш взгляд, эти факторы и стали причиной того, что у истоков создания спецслужб Монголии встал Сергей Михайлович Шпигельглас (Дуглас), которого журналисты позднее назвали личным «инквизитором» И. Сталина. Он окончил школу в Варшаве и юридический факультет Московского университета, школу прапорщиков, воевал на фронтах Первой мировой, принимал активное участие в революционных событиях, владел польским, немецким и французским языками, был лично причастен к похищению генерала Миллера, убийству Скоблина, Коновальца и Клемента, перебежчиков Георгия Агабекова и Игнатия Рейсса.

Еще в 1937 г. под его руководством были добыты важные документальные сведения об оперативно-стратегических играх, проведенных командованием рейхсвера (вермахта) [4]. В 1938 г. он исполнял обязанности начальника ИНО, занимался подготовкой разведчиков-нелегалов. В качестве уполномоченного ИНО С.М. Шпигельглас с 1922 по 1926 г. находился в Монголии, где занимался вербовкой, ликвидацией остатков белогвардейских формирований и созданием госбезопасности в МНР – Государственной внутренней охраны (ГВО), а также агентурной сети в Японии, Китае и на Дальнем Востоке Советской России.

Что же представляла собой Государственная внутренняя охрана? Мы располагаем данными монгольского исследователя истории органов государственной безопасности Монголии Д. Тода о численности монгольских чекистов в 1925 г.: «В ГВО личный состав составлял 42 человека, из которых 17, или 40,4% составляли советские инструкторы и представители российских спецслужб» [5. С. 165–166]. Сохранилась докладная записка аналитического характера, находящаяся на хранении в Центральном архиве ФСБ Российской Федерации, подготовленная в марте 1926 г. предшественником Я.Г. Блюмкина на посту главного инструктора ГВО А.П. Балдаевым (родной брат известного бурятского ученого-фольклориста и этнографа С.П. Балдаева), адресованная руководству ОГПУ. «Госвнуохрана, созданная в процессе развития национально-революционного строительства Независимой Монголии и существующая на правах Отдела Правительства, имеет перед собой те же задачи, что и ОГПУ СССР, и построена она по тому же принципу», – писал А.П. Балдаев, в будущем один из руководителей разведуправления РККА. «Штаты Центрального управления ГВО на 1926 г. были утверждены правительством в количестве 53–60 человек. При руководстве ГВО работали пять ответственных советских инструкторов, а также рядовые и технические работники из СССР. В списках всего значатся 11 человек» [6]. Таким образом, численность советских инструкторов значительно сократилось по сравнению с 1925 г. Была вакантна даже должность Главного инструктора ГВО [5. С. 163]. По этому поводу уполномоченный Исполкома Коминтерна в Монголии М.И. Амагаев в ноябре 1925 г. на заседании ЦК МНРП выразил протест и предложил увеличить число советских инструкторов ГВО, что нашло понимание у руководства страны и вылилось в Постановление Правительства МНР [7]. Тогда же руководитель ГВО Н. Хаянхирваа разработал «Устав о полномочиях инструкторов», который вступил в силу 3 декабря 1926 г. [5. С. 164].

Исследователь спецслужб Монголии Д. Тод пишет, что уже с 1924 г. в деятельности ГВО МНР начали проявляться нарушения революционной законности. Это выражалось в том, что советские чекисты активно вмешивались в дела органов монгольской госбезопасности. Для исправления ситуации, обусловленной самостоятельной деятельностью и специфическими методами работы советских инструкторов, 22 июля 1925 г. на заседании Правительства МНР были приняты решительные меры:

а) освободить К.К. Баторуна от занимаемой должности руководителя ГВО и назначить вместо него комиссара МНРА Ц. Насанбата;

б) учредить должность политкомиссара, на которого возложить обязанности осуществления политического контроля над деятельностью ГВО. На эту должность был назначен руководитель партшколы Н. Хаянхирваа (разведчик периода Монгольского теократического государства);

в) создать комиссию во главе с Председателем Малого Хурала МНР А. Амаром для контроля над деятельностью ГВО и его сотрудников [Там же. С. 161–162].

В конце 1926 г. в ответ на запрос ГВО Правительству «о назначении на должность Главного инструктора человека грамотного» ОГПУ СССР отправил в МНР Я.Г. Блюмкина.

В российской историографии нет однозначной оценки Блюмкина как личности: убийца, авантюрист, убежденный революционер, хвостун, лгун, друг Есенина и Маяковского, литератор-дилетант, разведчик-нелегал, талантливый коммерсант и, несомненно, романтик. И это все Яков Блюмкин [8].

Следует отметить, что руководитель ГВО МНР Н. Хаянхирваа, зная Я.Г. Блюмкина как убийцу германского посла в России графа Мирбаха, с самого начала недоверчиво относился к нему и стремился ограничить его доступ к делам своей организации, о чем свидетельствует его Приказ № 46 от 4 декабря 1926 г. о назначении Я. Блюмкина на должность. И здесь руководство ОГПУ учитывало несколько факторов:

1) за два с половиной года учебы в Академии Генштаба на восточном отделении, которая прерывалась многочисленными командировками, Я.Г. Блюмкин показал себя грамотным оперативником, хотя и склонным к авантюрам. Особенно ярко его организаторские способности и авантюристические наклонности проявились в Персии, где он фактически создал Компартию. В сентябре 1920 г. на съезде народов Востока в Баку, в котором приняли участие 2 000 делегатов из 30 стран, он был в составе иранской делегации;

2) он отличался мистическим интересом к Востоку и, зная иврит, выучил турецкий, арабский, китайский и монгольский языки;

3) в сентябре 1925 г. в соответствии с распоряжением председателя ОГПУ Ф.Э. Дзержинского Я. Блюмкин был руководителем экспедиции в Тибет, в Лхасу, задача которой состояла в уточнении географических маршрутов, поиске «городов богов» с целью получения технологии ранее неизвестного оружия, а также революционной агитации и пропаганде;

4) в это же время готовилась экспедиция Н. Рериха в Тибет, которая должна была проследовать через Монголию и за которой нужен был догляд. Кроме того, советская разведка хотела использовать связи Н. Рериха для борьбы с влиянием англичан в Центральной Азии.

Я.Г. Блюмкин (Исаев, Макс, Владимиров – прототип главного героя романа Ю. Семенова «Бриллианты для диктатуры пролетариата») прибыл в Монголию в конце 1926 г. и был назначен представителем ОГПУ и Главным инструктором Государственной внутренней

охраны МНР. Поскольку ГВО обладала в Монголии огромным влиянием, а Яков Григорьевич должен был направлять ее на «правильный путь работы», то власть его была огромной, и он не смог с ней совладать. Он пробыл в Монголии с небольшими перерывами почти 8 месяцев, после чего ЦК МНРП и правительство МНР потребовали отозвать его в Москву. Уже тогда его отношения с монгольскими товарищами и советскими специалистами были очень напряженными. Работая в архиве ФСБ России по Республике Бурятия над материалом, опубликованном в еженедельнике «Совершенно секретно» [9], один из авторов данной статьи наткнулся на рапорт полпреда СССР в Монголии, бывшего премьера ДВР П.М. Никифорова о поведении Я.Г. Блюмкина в Монголии на новогоднем банкете 31 декабря 1926 г.: «...т. Блюмкин напился, обнимался со всеми, кричал безобразно, чем сильно дискредитировал себя перед монголами». Потом он подходил к портрету Ленина, смотрел на него, как на икону, отдавал ему пионерский салют. Его тошнило прямо перед портретом. При этом он говорил: «Ильич, гениальный вождь, прости меня! Я же не виноват! Виновата обстановка! Я же провожу твои идеи в жизнь!».

Что касается экспедиции Н. Рериха, то лично для Я.Г. Блюмкина наблюдение за ней не являлось работой особой важности. Судя по всему, он переложил ее на своих подчиненных. Большую часть времени, пока Рерих оставался в Монголии, Блюмкина там не было. Еще в начале 1927 г. он отправился с секретной миссией в Китай [10], где исполнял функции советника китайского генерала и будущего маршала Китайской республики Фэн Юйсяня, которому советская власть благоволила, снабжая деньгами и оружием, и вернулся в Монголию только в апреле, когда Рерих уже выехал из Улан-Батора. Кроме того, Я.Г. Блюмкин имел резидентские задания в Тибете, Внутренней Монголии и некоторых районах Китая, а также по заданию заместителя председателя ОГПУ М.А. Трилиссера занимался выявлением, регистрацией и высылкой из Монголии «бывших белых элементов», ибо большое количество белоэмигрантов в Монголии сильно беспокоило советские спецслужбы. Он способствовал усилению координации в деятельности ОГПУ и ВГО, периодически

проводил учебу монгольских контрразведчиков. Однако деятельность советских инструкторов никак не регламентировалась, что приводило к превышению их полномочий. Это вызывало справедливое недовольство со стороны руководства МНРП, и партийные функционеры открыто говорили на своих заседаниях, что буряты и русские используют ГВО для гонений на желтую веру. В 1925 г., еще до приезда Я. Блюмкина, в Улан-Баторе произошел громкий скандал: советский инструктор Нетупский по заданию М.А. Трилиссера попытался завербовать одного из руководителей ГВО. Назначая Я.Г. Блюмкина своим представителем в Монголии, советское руководство надеялось, что тому удастся наладить координацию ОГПУ и ГВО, укрепить дружеские отношения между спецслужбами и сделать работу «монгольских товарищей» более эффективной. Но Я. Блюмкина понесло, он почувствовал себя вершителем живой истории: начал «воспитывать» советских специалистов, распекал их по любому поводу в оскорбительной форме, не стеснясь в выражениях, вел себя высокомерно. Но в сравнении с «кафейной» жизнью в Москве уже не выхватывал пистолет и не стрелял из него. Хотя до сих пор гуляют неподтвержденные слухи о том, что гибель одного из руководителей партизанского движения в Сибири, военного советника в Монголии, руководителя партиейки П.Е. Щетинкина – дело рук Я. Блюмкина. На Блюмкина пошел поток жалоб в Центр по линии ОГПУ, полпреда, военной резидентуры...

Впоследствии, в 1929 г., в своих показаниях на Лубянке он подчеркивал, что вел себя «безупречно в сложной и гнилой обстановке монгольской работы, отстаивая подлинную, оправданную жизнью советскую линию, проводил большую партийную и чекистскую работу, не раз сознательно физически рискуя собою» [Там же. С. 223]. В апреле 1927 г. Я. Блюмкин был отозван в Москву, застав в столице последний всплеск партийной оппозиции.

Таков «еврейский след» в Монгольской революции, в истории которой не последнее место занимает и Я.Г. Блюмкин, и таково свидетельство общности судеб и общности революционной модели, которые мы рассматриваем через призму транснациональной истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агалаков В.Т. Подвиг Центросибири. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 152 с.
2. Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) : в 2 ч. / авт.-сост. И.И. Кудрявцев, Б.В. Базаров, В.Б. Базаров, Л.В. Курас, С.М. Розенталь, В.Н. Шепелев; науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. Ч. I: 1919–1929. 527 с.; Ч. II: 1930–1934. 480 с.
3. Курас Л.В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века / рук. проекта, отв. ред. Б.В. Базаров; науч. ред. Ц.П. Ванчикова. Иркутск : Оттиск, 2017. 188 с.
4. Судоплатов П. Разведка и Кремль (записки нежелательного свидетеля) М. : Алгоритм, 2017. 478 с.
5. Тод Д. Монгол улсын аюулгүй байдлыг хангах байгууллагын түүхийн эхэн үе. 1922–1930. Түүхийн ухааны дэд докторын зэрэг горилсон диссертаци. УБ., 1999. 182 тал. [Тод Д. Первый период истории органов государственной безопасности Монголии. 1922–1930 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Батор, 1999. 182 с.].
6. Тепляков А.П. Интересное о Монголии. URL: <https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle...=1&isAllowed=y>
7. Рошин С.И. М.И. Амагаев: годы в Монголии // Восток. 1997. № 6. С. 43–52.
8. Муромов И. 100 великих авантюристов [Яков Блюмкин]. М. : Вече, 1999. С. 325–330.
9. Курас Л.В. Золотая лихорадка. Как ГПУ искало клад Унгерна // Совершенно секретно. 1997. № 5 (99).
10. Матонин Е.В. Яков Блюмкин: ошибка резидента. М. : Вече, 2016. 306 с. (ЖЗЛ).

Norovsambuu Khishigt, Institute of History and Ethnography of Mongolian academy of sciences (Ulan-Bator, Mongolia). E-mail: khishigt_58@yahoo.com

YAKOV BLUMKIN IN MONGOLIA

Keywords: Mongolian revolution 1921, the Mongolian People's Republic, Yakov Blumkin, State Internal Security of the MPR.

The purpose of article is to uncover the place and role of Russian revolutionists of Jewish descent in the victory of Mongolian revolution of 1921, as well as in the formation of security apparatus of the Mongolian People's Republic – the State Internal guard (SIS) of the MPR. Used sources can be divided into six groups: documents from the archives of security services that we have already introduced into scientific use; documents of the Comintern; the work by a Mongolian researcher in history of security services of Mongolia; memoirs of famous Soviet Chekist P. Sudoplatov; researches of Russian scientists in Mongolian studies; popular scientific literature. The analysis of the sources have revealed “Jewish trace” in the Mongolian revolution of 1921.

Modern Mongolian studies highlights the issue of Mongolian revolution considering it as one of the links of the revolutions in the beginning of XX c. such as the Russian revolution of 1905-1907, the Xinhai revolution 1911-1912, October revolution of 1917, Mongolian revolution of 1921. Moreover, the special attention is paid to transnational history of the Mongolian world. In this regard, it is uncontroversial that the Buryat nation takes place and role in national-state building of Mongolia.

Along with that, other ethnic groups, including the Jews, played significant role in Mongolian revolution and establishment of modern Mongolian state. Particularly, B.Z. Shumyatskiy is known as ideologist of the Mongolian People's revolution. He was the Chairman of the Cetr Siberia, the head of Siberian Bolshevik underground during the Civil war, one of the former and leader of the Far Eastern Republic.

Also, the Russian revolutionists of the Jewish descent were pioneers of security services of the MPR. The former of foreign department in the Cheka A.M. Trilisser controlled the situation during and after the revolution in Mongolia. One of the formers and activists of the Cheka S.M. Spigelglas had stayed in Mongolia during three years since 1922. He had taken a lot of effort to form and manage the security services of the MPR, as well as for identification and disposal of foreign agents and inner counterrevolution.

Finally, a well-known terrorist, adventurer and revolutionist Ya.G. Blyumkin made many actions for establishment of the system of security services in Mongolia, for creation of agent system in Inner Mongolia, northern part of China and Tibet. Therefore, it is no coincidence that he participated in revolutionary actions in Russia, Iran and China. In addition, his activities as Chief Instructor of State internal security are still of special interest among the researchers in history of security services.

The authors concluded that: The Mongolian revolution of 1921 is a clear example of transnational history of the Mongolian world; “Jewish trace” is clearly traced as representation of real internationalism is visible in history of Mongolian revolution; Jewish people have played a significant role in the process of national-state building in the first ten years of the Mongolian People's Republic; Ya.G. Blyumkin has taken a certain place in the formation of security services.

REFERENCES

1. Agalakov, V.T. (1968) *Podvig Tsentrosibiri* [The Feat of the Central Executive Committee of Siberian Soviets]. Irkutsk: Vost. Sib. kn. izd-vo.
2. Bazarov, B.V. (ed.) (2012) *Mongoliya v dokumentakh Komintern (1919–1934)* [Mongolia in the documents of the Comintern (1919–1934)]. Ulan-Ude: SB RAS.
3. Kuras, L.V. (2017) *Panmongolizm kak proyavlenie etnichnosti mongol'skogo mira v pervoy chetverti XX veka* [Pan-Mongolism as a manifestation of the Mongolian world ethnicity in the first quarter of the twentieth century]. Irkutsk: Ottisk.
4. Sudoplatov, P. (2017) *Razvedka i Kreml' (zapiski nezheletel'nogo svidetelya)* [Intelligence and the Kremlin (notes of an undesirable witness)]. Moscow: Algoritm.
5. Tod, D. (1999) *Mongol ulsyn ayuulgyi baydlyg khangakh bayguullagyn tyikhiyn ekhen ye. 1922–1930* [The first period in the history of Mongolia state security bodies. 1922–1930]. History Cand. Diss. Ulan-Bator.
6. Teplyakov, A.P. (n.d.) *Interesnoe o Mongolii* [Interesting facts about Mongolia]. [Online] Available from: <https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle...=1&isAllowed=y>
7. Roshchin, S.I. (1997) M.I. Amagaev: gody v Mongolii [M.I. Amagayev: years in Mongolia]. *Vostok*. 6. pp. 43–52.
8. Muromov, I. (1999) *100 velikikh avanyuristov [Yakov Blyumkin]* [100 great adventurers [Yakov Blyumkin]]. Moscow: Veche. pp. 325–330.
9. Kuras, L.V. (1997) Zolotaya likhoradka. Kak GPU iskalo klad Ungerna [The Gold Fever. How the GPU was looking for Ungern's treasure]. *Sovershenno sekretno*. 5(99).
10. Matonin, E.V. (2016) *Yakov Blyumkin: oshibka rezidenta* [Yakov Blyumkin: a resident's mistake]. Moscow: Veche.